

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

PSlav
571
15

av 571.15

Harvard College Library

**BOUGHT WITH MONEY
RECEIVED FROM THE
SALE OF DUPLICATES**

PSCo. - 571. R

ПУСТОМЕЯ,

САТИРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ

1770.

МОСКВА.

1858.

ПУСТОМЕЛЯ,

САТИРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ.

1770.

Издание А. Афанасьева.

МОСКВА.

Въ типографіи С. Селивановскаго

1858.

Р Slav 571.15

✓

ПЕЧАТАТЬ ДОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было
въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экзем-
пляровъ. Москва, 15 марта 1858 года.

Цензоръ Н. Гилляревъ-Платоновъ.

«Пустомеля» издавался въ Спб., въ 16 долю листа;
продолжался всего два мѣсяца. Журналъ этотъ весьма
редокъ; извѣстенъ только экземпляръ, принадлежащий
С. Д. Полторацкому, которымъ мы и воспользова-
лись для настоящаго изданія. Другой экземпляръ, какъ
слышно, недавно былъ проданъ въ С.-Петербургѣ.

А. А.

12
5 11

ПУСТОМЕЛЯ,

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

СОЧИНЕНИЕ.

1770 ГОДЪ

МЪСЯЦЪ ИЮНЬ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

P. Shaw 571.15

HARVARD COLLEGE LIBRARY
BOUGHT FROM
DUPLICATE MONEY
April 29, 1938

ШИСЬМО

КЪ

ИКЛ: ЛКСВЧ:

ЛДЖНСКМ:

Любезной другъ!

Удивиши ся ты, когда узнаешъ, что
въ отсудствіе твое судьба, или лучше
сказать, моя слабость сдѣлала меня
Авторомъ ежемѣсячнаго сочиненія: я
и самъ не меныше твоего тому удив-
ляюсь; но дѣло ужъ сдѣлано. Я не вѣ-
даю, хорошо ли будетъ окончаніе мо-
его труда; но знаю то, что ежели

оно будетъ худо, то въ бытность твою здѣсь не сдѣлалъ бы я сему начала: дружба твоя ко мнѣ и рѣдкое чистосердечіе меня отъ того отвратили бы. Я избралъ тебя, любезной другъ, своимъ меценатомъ, и посвящаю первой мыслью начальныя труды мои; еถыли понравятся они тебѣ, то я увѣренъ, что понравятся и многимъ: хорошей твой вкусъ, знаніе во словесныхъ наукахъ и безпристрастіе, въ томъ меня удостовѣряютъ. Но достанетъ ли тебѣ времія на прочитеніе сей бездѣлки? Ты сражаешься съ неприятелями нашего отечества; ты будешь участникомъ тѣхъ славныхъ лавровъ, коими прехрабрыя Россійскія воины по справедливости увѣличиваются. Слава

дѣла ваши возвѣстить позднѣйшимъ потомкамъ и удивить ихъ. Нѣть любезной другъ, не трать времени для бездѣлки, оно драгоцѣнно; всякая минута умножаетъ вашу славу. Продолжай ревностно пещися о исполненіи твоей должности; импѣръ въ памяти примѣры храбрыхъ и славныхъ людей, и подавай собою примѣры. Посвяти услуги твои и самого себя премудрой и великой Монархинѣ, истинной Матери подданныхъ своихъ, въ пользу твоего Отечества; преодолѣвай враговъ: ты Россіянинъ, сего ко преодолѣнію и ко приведенію ихъ въ ужасъ довольно. На конецъ, естьли останется свободная минута отъ исполненія твоей должности, то посвяти

*ея нашему дружеству. Вспомни, что я
на всегда*

върный твой другъ

С. П.

ИЗВѢСТИЕ.

*Ежемѣсячное сочиненіе, подъ за-
главiemъ Пустомели, выходить бу-
детъ каждого мѣсяца къ 15 числу, и
продаваться въ луговой Миліонной у
переплетчика Веге по 25 копѣекъ екзем-
пляръ въ бумажномъ переплѣтѣ. Естьли
кто пожелаетъ во ономъ изданіи по-
мѣстить письма или сочиненіи, тѣль
могутъ оныя сообщать къ помяну-
тому переплетчику съ надписаніемъ:
Господину сочинителю Пустомели.*

ПУСТОМЕДЯ.

* * * * *

1.

To, что употребилъ я вмѣсто предисловія.

Тысяча желаній, набившіяся въ мою голову, затмѣваютъ разсудокъ; такъ что я не знаю, которое прежде удовольствовать, и чѣмъ начать: вотъ каково въ первой разъ сдѣлаться Авторомъ! Пустова писать не хочется, а хорошее скоро

ли придумаешь? Мнѣи самому несносны тѣ
Авторы, которые сочиненіи свои начи-
наютъ вздоромъ, вздоромъ наполняютъ и
оканчиваютъ вздоромъ. Пишутъ все, что ни
попадается; спорятъ, критикуютъ, рѣ-
шать, и запутавшись въ мысляхъ изясня-
ются весьма не ясно: тутъ слѣдуютъ у нихъ
сухія шутки, будто оставляютъ темныя мѣ-
ста на догадку читателя: но ежели сочини-
тель по чистой совѣсти захочетъ призна-
ться, то скажетъ, что и самъ онъ того не
понимаетъ; и такъ останется истинная при-
чина, что яснѣе не могъ тово написать.
Многія нынѣ принимаются писать, думая,
что хорошо сочинять также легко, какъ про-
давать снурки, серги, запонки, напер-
стки, иголки и прочія мѣлочныя товары,
коими щепетильники торгуютъ въ дерев-

няхъ, и мѣняютъ оныя на лапти и яицы: но они обманываютъся. Щепетильнику нужно только трудолюбіе, и нѣсколько ума для различенія хорошихъ товаровъ отъ худыхъ: ибо и продаются оныя людямъ не гораздо просвѣщеннымъ, то есть таковымъ, каковы наши крестьяне и крестьянки. Но что бы умѣть хорошо сочинять, то потребно ученіе, острой разумъ, здравое разсужденіе, хорошей вкусъ, знаніе свойствъ Русскаго языка и правилъ грамматическихъ, и на конецъ истинное о вещахъ понятіе: все сіе вмѣстѣ есть искусство хорошо писать и въ одномъ человѣкѣ случается весьма рѣдко; ради чево и писатели хорошія рѣдки, не только у насъ однихъ, но и въ цѣлой Европѣ. Кто пишеть не имѣвшіи дарованій и способно-

стей составляющихъ хорошаго писателя, тотъ не писатель, но бумагомаратель. По нещастію нашему у насъ много такихъ писцовъ, кои напечатавъ пять страницъ худаго своего сочиненія, принимаютъ на себя название Автора, будто бы Авторство зависило отъ типографіи. Типографія за деньги печатаетъ книги, но ума не про-даетъ: кто пишетъ на удачу, тотъ грѣшилъ противъ здраваго разсудка; такихъ грѣшниковъ не только у насъ на Руси, но и во Франціи много. (*) Они пишутъ все, что съ ними ни повстрѣчается, хва-таются за все, начинаютъ и никогда не оканчиваютъ, за тѣмъ что не имѣютъ цѣли

(*) Можетъ быть скажутъ жиль, что я и самъ годень въ гисло сихъ грѣшниковъ: не поспорю, но скажу въ отвѣтъ, что я на свои слабости также смотрю, какъ и на тужилъ.

своимъ желаніямъ. Что нравится имъ, то думаютъ они понравится и всѣмъ. Но это уже черезъ чуръ много обижать читателей, будто они хорошаго отличить не умѣютъ отъ худаго. Сказываютъ, что самолюбіе не только что съ хорошими писателями, но и съ мѣлкими бумагорателями неразлучно; а нѣкоторыя увѣряютъ, что оно и тогда прилипаетъ, когда еще они намѣреваются быть писателями; но я сего не утверждаю, а скажу только, что самолюбіе есть болѣзнь самая прилипчивая и для писателей опасная. Я изслѣдовалъ самого себя, и думалъ, что я не самолюбивъ, но меня одна госпожа, которую я очень много почитаю, увѣрила, что я обманулся: и подлинно, я послѣ узналъ, что погрѣшности въ чужихъ сочиненіяхъ мнѣ гораздо примѣтнѣе, какъ въ

своихъ; можетъ быть отъ того, что критиковать легче, нежели сочинять, какъ нѣкоторыя утверждаютъ; но я этому не совсѣмъ вѣрю, и думаю, что правильно и со вкусомъ критиковать также трудно, какъ и хорошо сочинять. Впрочемъ, чисто-сердечіе осталось во мнѣ и понынѣ ибо я тотчасъ соглашусь и повѣрю, кто скажетъ мнѣ, что я написалъ худо; но кажется тому повѣрю больше и лучшаго о томъ человѣкѣ буду мнѣнія, которой похвалитъ. Я еще скажу: самолюбіе пралипчивая болѣзнь. Писать еще лишь только начинаю, а критиковаль уже многихъ.—Но я заговорясь, удалился отъ своей цѣли. Говорить и заговариваться, переходя изъ матеріи въ матерію, есть одна изъ моихъ слабостей. Читатель!

тебѣ надобно къ етому привыкать: въ продолженіе моего изданія не рѣдко это случаться будетъ. Ну, г. Читатель! теперь я сталъ Авторъ; можетъ быть захочешь ты прежде всево узнать мое имя, однаждѣ не жди, чтобы я тебя объ ономъ увѣдомилъ. Сколько хочешь самъ думай, отгадывай, развѣдывай и трудись, мнѣ до того нужды нѣть. Многія изъ васъ столько жадны къ новостямъ, сколько подъячія ко взяткамъ, щеголи и щеголихи къ новымъ модамъ и кокетки къ волокидству, и столько легковѣрны, какъ ослѣпленныя любовники. Вы часто о сочиненіяхъ судите по сочинителямъ, а нѣкоторыя изъ васъ и не читавши, но по одному только слуху дѣлаютъ неправильныя заключеніи; и такъ польза моя

требуетъ, чтобы я имя свое утаилъ. Не знаяши онаго, какъ скоро прочтешь ты десять строкъ моего сочиненія, то навѣрное заключишь, что я писатель не третьей статьи; можетъ быть подумаешь, что я человѣкъ знатной, следовательно критиковать не осмѣлишься: ты подумаешь, можетъ быть, что я — но нѣть, етова не скажу, а оставлю на твою догадку. Естьлижъ бы узналъ мое имя, то можетъ быть и перемѣнилъ бы ты свое намѣреніе; и вмѣсто почтенія началь бы меня уничтожать--. Сносно ли это Автору? Автору новому, да и такому, которой предприялъ прославиться во всѣхъ концахъ пространной Россіи? Со временемъ будутъ удивляться моимъ сочиненіямъ, станутъ ихъ превозносить по-

хвалами, будутъ покупать съ превеликою жадностію и за дорогую цѣну; скажутъ: *ето преславное сочиненіе, котораго Авторъ намъ неизвестенъ, заслужи--.* Потише, потише г. Авторъ, умѣрь свой восторгъ, помолчи и оставь ето на додадку Читателей. Не уподобляйся безъ нужды тѣмъ несноснымъ самохваламъ, которые выпрашиваются, или лугче сказать, отягощая слушателей чтеніемъ своихъ сочиненій, похвалу изъ нихъ вымучивають, и послѣ проповѣдаются, что они до небесъ оными превознесены были. Пускай завистники изъ всей силы кричатъ будуть, что твое сочиненіе вздоръ —. Ты этому не вѣрь; пусть бѣдныя писатели со слезами просятъ, чтобы ихъ изъ милосердія не критиковали, и пусть испрашиваются они

у Читателей благосклоннаго принятія трудовъ своихъ; тебя не такая ожидаетъ участъ; и для того поступай съ Читателями отмѣнно. Прими на себя важной видъ, подобной тѣмъ Авторамъ, которыя не больше десяти строкъ написавъ, отнимаютъ первенство у всѣхъ прежде ихъ прославившихся творцовъ. Съ первой строки приведи Читателей своихъ въ удивленіе, и не давъ имъ опомниться, пользуясь ихъ смятеніемъ, повелѣвай ими по своему желанію, приказывай имъ бѣгать во слѣдъ за парящимъ твоимъ разумомъ: пусть будутъ они гоняться по всѣмъ мѣстамъ за летучими твоими мыслями. Естьлиже ты самъ начнешь уставать, то поймай Пегаса, и сѣдши на него разъѣзжай по своему желанію; мучь его сколь-

ко угодно, онъ будетъ тебѣ покоренъ. Но ежели паче чаянія онъ попротивится и тебя не пустить сѣсть, то -- но этому быть не можно. Когда всѣ несмыслиенные риемотворцы сего бѣдняка мучатъ, то какъ онъ осмѣлится противиться тебѣ? тебѣ, которой предприялъ овладѣть всѣмъ Парнасомъ? Забудь, что не умѣешь ты ни одного соплестъ стишкa; что нужды, что не знаешь ты правилъ стихотворства? Пиши прозу, и научись только прибирать риены, ты и тѣмъ себя прославить можешь. Многія въ стихотворствѣ не больше твоего знанія имѣютъ, но со всѣмъ тѣмъ пишутъ трагедіи, оды, елегіи, поемы, и все, что имъ вздумается; короче сказать, естьли тебѣ Пегасъ попротивится, то поймай его за

гризу, оборви крылья, сядь насильно и поезжай прямо на Парнасъ, сдѣлайся властителемъ онаго перемѣни все по своему желанію и опредѣли новыя всѣмъ должности. *Аполлона* за худое правленіенакажи, опредѣли его Парнасскимъ комисаромъ у приему всѣхъ сочиненій новыхъ твоихъ стихотворцевъ: наказаніе велико, но онъ того достоинъ. Самъ сядь на ево мѣсто, возми лиру и греми по своему желанію, что нужды складно или нѣть, лишь только не жалѣй своихъ рукъ, греми громче, удивляться конечно будутъ. Музъ распоряди другимъ порядкомъ. Плаксивую *Мельпомену* одѣнь въ платье изъ трагическихъ листовъ, въ одну руку дай ей чернилицу съ перомъ вмѣсто кинжала, а другою прикажи чаще размахи-

ваться, бить себя по лицу и безпрестанно кричать: *Ахъ! увы! погибло все!* Вместо вѣнца на голову прикажи комисару своему написать ей епитафию. Симъ способомъ будетъ она смѣшить, а не плакать заставлять. *Талию-- О!* ету насмѣшицу надо бно хорошенько помучить, до сего времени она всѣхъ осмѣивала; но ты сдѣлай такъ, чтобы всѣ на нее глядя смѣялись. Платье сшей ей гаерское, въ руку вместо маски дай ей вызолоченой пузырь съ горохомъ и заставь читать *Л** комедіи*, которыхъ она терпѣть не можетъ, и которыя ее конечно измучатъ. Обезъяну ее не позабудь поставить къ ней поближе, и чтобы она сколько возможно больше коверкалась и тѣмъ смѣшила народъ. Вотъ самое лучшее средство комедію превратить

въ игрище! *Калліону* сдѣлай приворотникомъ; украшенія всѣ съ нес оборви, она ихъ нынѣ недостойна; епическая стихи вырви изъ рукъ ее и брось, вмѣсто трубы дай ей рожокъ и прикажи наигрывать повѣсти о Троянскихъ витязяхъ. Есть лижъ захочешь ты отвратить посѣщеніи, которые тебѣ какъ новому Воеводѣ непремѣнно протчими богами сдѣлаются, то прикажи ей читать одну изъ новыхъ піесь, она конечно всѣхъ гостей рыганьемъ своимъ отгонитъ: ибо съ нѣкотораго времени *Калліона* стала весьма обжорлива. *Кліо* пусть ходить по гостиному двору, разсказываетъ купцамъ разныя исторіи и тѣмъ себя кормитъ. *Ерату* хотя бы и надлежало со всѣмъ отставить, но что бы не сдѣлать ей безпричинной обиды, то оставь

ес для приманки, пусть новыя твои
стихотворцы будутъ за нее волочиться, и
станутъ писать елегі---. О! они такъ ее
взбѣсятъ, что она конечно сама попро-
сится въ отставку. *Уранію* со всѣмъ от-
ставь и вели питаться мирскимъ подая-
ніемъ. *Евтерпа и Терпсихора*, обѣ дѣвки
добрая, правда, что одна очень задумчива,
но другая напротивъ того всегда весела.
Оставь ихъ обѣихъ для себя; только до
того времени безъ жалованья, пока не
выучатся, первая играть на волынкѣ, а
другая плясать въ присядку. *Полиминію*
пожалуй въ копейсты и прикажи пере-
писывать на бѣло всѣ свои сочиненій.
Славныхъ Авторовъ сдѣлай разнощиками,
прикажи имъ по всѣмъ мѣстамъ продавать
свои сочиненіи и выхвалять ихъ сколько

возможно больше: имъ къ стому уже не привыкать. Слѣпова *Гомера* изъ жалости сдѣлай хоть вахмистромъ при Парнасской канцеляріи: етотъ бѣдной старикъ въ разнощики не годится. *Виргилію* наклавши полной мѣшокъ нелѣпыхъ изрѣченій, прикажи ходить по рынку и продавать ихъ повольною цѣною. *Легаса* назови щепетильникомъ и прикажи продавать по деревнямъ билетцы, епиграммы, загадки, епитафіи, пѣсенки и прочтія мѣлочныя стихотворенныцы. Ну, г. Авторъ! теперь ты весь Парнасъ оборотиль въ верыхъ дномъ; осталось только одно славное дѣло сдѣлать. Всѣ правила стихотворства и грамматики уничтожь: это только пустое затрудненіе. Позволь писать всякому, кто какъ хочетъ, и что взбредетъ на умъ; ты

увидишь, что у тебя стихотворцевъ будеть во сто тысяч разъ больше, какъ у старого Аполлона; комисара твоего взбѣсять, завалять сочиненіями и сдѣлаютъ тебѣ новой Геликонъ: лишь не накладывай на вранье пошлины. Впротчемъ, не худо будетъ, ежели ты Ипокренскую воду превратишь въ чернилы, новымъ твоимъ риѳмотворцамъ великое тѣмъ сдѣлаешь облегченіе. На конецъ--- да гдѣжъ мой читатель, и что онъ дѣлаетъ? А! онъ не посмѣлъ за мною слѣдовать, и оставшись въ Петербургѣ заснуль. Подожди, я тотчасъ тебя разбужу. Читатель!--- Но увы! Я и самъ проснулся, и сдѣлался изъ Аполлона простымъ писцомъ: такое превращеніе несносно! А причиною сему ты читатель; ты помѣшалъ мнѣ наслаждаться

пріятною мечтою. Скажешь, что все сто вздоръ! согласенъ; но мало ли подобныхъ сему вздоровъ ты хвалилъ? такъ поступи пожалуй и съ моимъ также. Желать тово, чево - не можно получить, и возвышаться выше своей сферы, есть слабость общая всѣхъ человѣковъ. Всѣ люди бредятъ, но бредятъ только во снѣ, а молодыя писцы имѣютъ даръ бредить и въ явѣ. Теперь узналъ ты читатель, каково имѣть дѣло съ молодымъ писателемъ и ево восторгомъ. Я началъ писать предисловіе, въ кото-ромъ долженъ былъ увѣдомить о томъ, что буду сообщать въ моемъ изданіи, но заговорясь о томъ со всѣмъ позабылъ; я бы долженъ былъ ошибку мою испра-вить, и хотя теперь о томъ тебя увѣ-домить, но боюсь обѣщать море, чтобы

послѣ не вылилась лужа; и такъ все въ
луче о томъ не сказывать. Естьли за-
хочешь читать мое изданіе, такъ читай
пожалуйто, что будетъ написано; естьли же
тебѣ не понравится, такъ не читай: въ
моей власти состоять писать, а въ твоей
читать или нѣтъ. Ты поступай въ томъ
по своему благоразсудженію, а меня оставь
следовать моему: кажется, что симъ сред-
ствомъ можно прожить намъ безсорно.

2.

Часто бываетъ, что люди впадаютъ въ
пороки по одному добросердечію; но среди
самыхъ преступленій, праводушіе ихъ
сияетъ и величость духа оказывается: слѣ-
дующее приключеніе послужитъ сему при-
мѣромъ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИНЯТИЕ.

Доброправъ, Новгородской дворянинъ, изъ поколѣнія *Стародуровыхъ*, поселившихся въ тотъ городъ еще при Царѣ Иванѣ Васильевичѣ грозномъ на мѣсто побитыхъ дворянъ; имѣлъ около четырехъ тысячи рублевъ годового дохода, и былъ одинъ изъ числа тѣхъ, кои называются хлѣбосолами; которыя по добросердечию имѣніемъ своимъ жертвуютъ увеселенію друзейъ своихъ: часто забывая самого себя, и стараясь помочь бѣднымъ, доходятъ нерѣдко до бѣднѣйшаго состоянія, въ какомъ были тѣ, коимъ они помогали. *Доброправъ* полагалъ удовольствие въ томъ, чтобы быть вмѣстѣ съ друзьями своими. Домъ его наполненъ

былъ всегда соседями, не только ближними, но и отдаленными дворянами и дворянками того уѣзда: роскошь и веселіе всегда къ себѣ привлекаетъ, а отгоняетъ скука и бѣдность. Частыя пиры и угощеніи сдѣлали то, что *Добронравъ* почитался увеселеніемъ всего Новгородскаго уѣзда. Впрочемъ веселая жизнь не помѣщала ему *Добросерда* сына своего воспитать такъ, какъ воспитываютъ дѣтей своихъ благоразумныя отцы нашего времени. *Добросердъ* отъ природы одаренъ былъ красотою души и тѣла; имѣлъ острой разумъ, тихой нравъ и благородную осанку; все сіе красоту ево лица еще больше украшало. Отецъ старался природныя ево дарованія изострить учениемъ и приумножить хорошимъ воспита-

ніемъ, для чего выписывалъ изъ Петербурга людей извѣстныхъ разумомъ, учениемъ и добропорядочнымъ повѣденіемъ ему въ учители. Онъ не слѣдовалъ примѣру многихъ безразсудныхъ стариковъ, которые дѣтей своихъ обучають по Француски и по Нѣмецки, для того только, чтобы они на чужихъ языкахъ могли болтать съ празношатающимися Французами и Нѣмцами, удалившимися изъ своего отечества: можетъ быть для того только, что за беспорядочное свое и распутное житѣе честными и разумными людьми были презираемы. Но слѣдуя благоразумію, употребляль остроту сына своего въ собственную ево пользу, въ пользу отечества и въ свое утѣшеніе; обучалъ его иностраннымъ языкамъ для

того, чтобы могъ чтеніемъ славныхъ Авторовъ просвѣтить разумъ и украсить память. *Добросердъ* помощю своихъ наставниковъ въ скорое время обучился тремъ языкамъ Французкому, Аглинскому и Нѣмецкому. Прочелъ почти всѣхъ славныхъ Авторовъ: получилъ истинное о вещахъ понятіе посредствомъ Логики и Физики; обучался съ прилѣжаніемъ Математикѣ, Исторіи и Географіи; послѣдней особенно для того, чтобы совершенно знать положеніе областей своего отечества и сосѣдственныхъ съ нимъ державъ, вѣдать силу ихъ и недостатки. Зналъ сокращенно дѣянія нашихъ предковъ; хотя тогда печатной Российской исторіи еще и не было; наставленъ былъ въ познаніи Христіанского закона и истинномъ бого-

почитаніи, удаленъ отъ суевѣрія, дѣлающаго въ мысляхъ развратъ: короче сказать, *Добросердѣ* наученъ быль всему тому, что нужно знать человѣку приготовляющему себя къ вышнимъ степенямъ, такъ что по справедливости почитался украшеніемъ и примѣромъ всѣхъ молодыхъ дворянъ ихъ уѣзда. *Доброуравъ* не могъ довольно нарадоваться любезнымъ своимъ сыномъ, и усмотря на конецъ, что онъ въ учителяхъ уже нужды больше не имѣть, наградилъ ихъ богатыми подарками и осыпавъ благодарностію, отпустилъ обратно. Надлежитъ теперь упомянуть о склонности *Добросердовой* къ одной дѣвицѣ ихъ уѣзда. *Миловида* быда богатая дворянка, и жила по кончинѣ своихъ родителей подъ присмотромъ

тетки. Дѣвица сія при прелестяхъ ее лица одарена была острымъ разумомъ, довольно научена, тиха, скромна и добронравна. Сходство ихъ нравовъ при частомъ свиданіи произвело взаимное другъ къ другу почтеніе и отличность отъ протчихъ; и подлинно они были сотворены одинъ для другова. Они другъ друга любили, но не смѣли одинъ другому объявить своей страсти, и довольствовались самыми невинными забавами, препровождая время въ разговорахъ. Каждой изъ нихъ увѣрялъ самъ себя, что не любовь побуждаетъ ихъ желать частыхъ свиданій, но отличныя отъ протчихъ душевныя свойства; но они оба были еще молоды. Сіе происходило до того времени, какъ *Добронравъ*, изслѣдовавъ по примѣру благоразумныхъ от-

цовъ склонности сына своего,ознамѣрился опредѣлить его въ военную службу. Онъ написавши просительное письмо къ одному своему милостивцу, бывшему тогда знатнымъ при дворѣ вельможею, и котораго милости купилъ онъ не за дешевую цѣну; отпустилъ ево въ Петербургъ, сдѣлавъ прежде многія нужные наставленія и богатой пиръ для ево отъѣзда. *Добросердѣ* во время пиршества имѣлъ весьма много времени быть вмѣстѣ съ *Миловидою*, и которое хотѣлъ онъ употребить въ свою пользу, сдѣлавъ открытие о своей страсти; но говоря много не сказалъ ничего. Такъ то обыкновенно случается, когда любовь основывается на чести; почтеніе и боязнь, чтобы не оскорбить свою любезную, превращается въ

застѣнчивость. Они обо всемъ могутъ вольно говорить, кромѣ своей страсти: но сія застѣнчивость нынѣ уже изъ употребленія выходитъ: вѣтреныя молодчики при первомъ свиданіи успѣваютъ открывать страсть свою, и чрезъ двенадцать часовъ о томъ позабываютъ. На конецъ гости начали разѣзжаться и *Миловида* при прощаніи съ *Добросердомъ* сказала: вы поѣдите въ Петербургъ, веселости тамошнія конечно изтребятъ изъ памяти вашей--. Нѣть, вскричалъ онъ, ничто не изтребитъ изъ мыслей моихъ--. Но ему помѣщали говорить, и онъ простился: глаза ево то окончали, что языкъ началъ. На другой день простясь съ любезнымъ своимъ отцемъ, *Добросердъ* поѣхалъ въ Петербургъ. По приѣздѣ былъ онъ у гос-

подина*** и подалъ ему письмо. Онъ принялъ ево весьма учтиво, и обѣщалъ знатность свою употребить въ ево пользу. Въ скоромъ послѣ того времени *Добросердѣ*, бывъ на екзаменѣ, получилъ офицерской чинъ, опредѣленъ въ полкъ и отпущенъ на годъ къ отцу своему по прозѣвѣ ево милостивца. *Добросердѣ* ево благодариль. Господинъ***увѣрялъ, что онъ ничево приятнѣе не дѣлаетъ, какъ то, о чемъ ево просить *Добронравъ*; что онъ никогда не позабудетъ ево къ себѣ одолженій... Но г.*** говорилъ сіе для того, что *Добронравъ* былъ еще богатъ; и такъ *Добросердѣ* откланявшиесь весьма учтиво, пошелъ домой и скоро по томъ отправился къ своему отцу. Въ бытность сво въ Петербургѣ не могъ онъ себя при-

учить ни къ обращеніямъ, ни къ увеселеніямъ городскимъ; первыя казались ему притворны, а послѣднія принужденны. Былъ на маскерахъ, удивлялся вольнымъ обхожденіямъ городскихъ женщинъ, и сіе больше умножило страсть ево къ *Миловидью*. Одни театральныя позорищи понравились *Добросерду*: онъ почиталъ театръ истинною школою, не только для молодыхъ людей, но и для старииковъ, въ которой нужныя въ семъ наставленіи преподаются, и для того не прогуливавъ ни одного представлени. Не слѣдовалъ онъ примѣру молодыхъ людей, которыя въ театръ за тѣмъ только ходятъ, чтобы посмѣяться; но, разматривая съ прилежаніемъ, нужное замѣчалъ, и по выходѣ изслѣдовавъ самъ себя, какъ строгой судья, не

имѣеть ли какой слабости, которыя того дня публично были осмѣяны. Симъ средствомъ театральныя позорищи обращалъ онъ въ свою пользу; одно только ево удивляло, что почти всегда представляли, *Привидѣніе съ барабаномъ*, *Скапиновы обманы*, *Лѣкаря по неволѣ*, *Жоржъ Дандина*, *Новопрѣзжихъ*, *Мнимаго рогатаго*, *Принужденную женидьбу* и подобныя симъ смѣшныя комедіи, и во время представлениј часто сердился, слыша безпрестанныя рукоплесканіи и смѣхъ: но сево онъ рѣшить не могъ, не вѣдая истинной тому причины. *Добросердѣ къ отцу своему приѣхалъ въ самой тотъ день, когда онъ праздновалъ ево рожденіе, и имѣль у себя премножество гостей*, въ числѣ которыхъ и *Миловида*

была съ теткою своею. *Добронравова* радость, увидя сына, была чрезмѣрна; гости всѣ принимали во оной участіе, а *Миловида* при входѣ ево почувствовала неизвѣстное ей самой движеніе: радость и стыдъ поперемѣнно на лицѣ ея показываясь, сдѣлали ее еще прекраснѣе. Отецъ узнавъ, что сынъ ево пожалованъ чиномъ, усугубилъ свою радость, возобновилъ пиршество, а гости удовольствіемъ своимъ оное приумножили. Во всемъ собраніи царствовало тогда веселіе, одни любовники чувствовали досаду, что не могутъ говорить свободно. *Добросердъ* нашедъ свою любезную сто разъ прекраснѣе, разумнѣе и добродѣтельнѣе; скоро сыскаль и удобной случай быть съ нею на единѣ: ибо гости упражняясь веселіемъ,

оставили ему употребить тѣ часы въ свою пользу. Онъ не могъ уже долѣе бороться со своею страстью, и для того, по нѣкоторомъ молчаніи, объявилъ любовь свою самыми короткими, но при томъ и сильнѣйшими словами, и заключилъ тѣмъ, что безъ нее онъ щастливымъ быть не можетъ. *Миловида* была искренна и притворства свойственаго многимъ городскимъ женщинамъ, не знала, которыя при первомъ открытии всегда оказываются себя упорными, чтобы тѣмъ усугубить страсть и больше возпламѣнить своихъ любовниковъ; но, слѣдя сердечнымъ движеньямъ, призналась, что она всякому на свѣтѣ щастію предпочитаетъ щастіе быть ево женою. Не можно описать восхищенія *Добросердова*; сто разъ цѣловалъ онъ

руку своей любовницы и безпрестанно твердилъ, что она изъ всѣхъ прекраснѣйшая, а онъ наицастливѣйшій человѣкъ изъ всѣхъ смертныхъ. *Миловида ласки* ево платила своими: она говорила, что *Добросердѣ* для нее драгоцѣннѣе всево на свѣтѣ. *Добросердѣ* еще бы сто разъ переговорилъ сказанныя имъ слова, думая, что онъ то говоритъ еще въ первой разъ; естьли бы гости приходомъ своимъ ему не помѣшали. Любовникамъ въ началѣ ихъ любви часы кажутся минутами; но гости хотя и были веселы, хотя минуты щитали рюмками; однакожъ скоро примѣтили, что ихъ тамъ не было, и для того то къ нимъ и пришли. Старой Новгородской дворянинъ, прозваниемъ *Изподдолбни*,

одинъ изъ бывшихъ гостей, отягча голову свою больше другихъ радостными парами увидя ихъ вмѣстѣ, вскричалъ: какая прекрасная пара! нашъ уѣздъ можетъ похвалиться, что имѣеть двухъ красавцовъ; я бьюсь о бакалѣ вина, продолжалъ онъ, что они другъ друга любятъ, и что они рождены одинъ для другаго. При словѣ *любятъ*, *Миловида* лице свое покрыла румянцомъ и тѣмъ прелести своего лица еще умножила; а *Добросердѣ* не могши собою владѣть, вскричалъ: Вы, сударь, закладъ вашъ выиграли; я люблю *Миловиду* и льщусь, что и ею любимъ. Послѣ того подошелъ къ отцу своему и просилъ его о позволеніи, хотя самыми учтивыми, однакожъ и сильными выраженіями, и заключилъ тѣмъ, что онъ

безъ *Миловиды* жить не можетъ-. Ежели такъ, сказаъ отецъ его съ веселымъ и довольнымъ лицомъ, такъ надобно постараться, чтобы ты остался жить. *Добронравъ* не медля предложилъ *Миловидиной* теткѣ о ихъ бракосочетаніи, и просилъ ее усильно, чтобы она на сіе согласилась. *Осторожна*, это было ее имя, съ превеликою учтивостю отвѣчала, что она за особливую честь почитаетъ быть въ свойствѣ съ *Добронравомъ* и имѣть племянникомъ *Добросерда*; но что она ни въ какія обязательства прежде вступить не можетъ, пока не рѣшится дѣло о деревняхъ, составляющихъ почти все *Миловидино* наслѣдство. Дѣло это правое, продолжала она, и мы съ племянницею надѣемся, что правосудіе сдѣлаетъ ее

богатою невѣстою въ нашемъ уѣздѣ --
 Какое препятствіе! вскричалъ *Добро-сердѣ*, можете ли вы, сударыня, для
 приданаго ожидаемаго мною щастія меня
 лишать! Согласитесь на мое благополучіе: *Миловида* и безъ приданаго драго-
 цѣннѣе всѣхъ сокровищъ въ свѣтѣ; не
 корыстолюбіе просить васъ о сей милости,
 но искрення любовь--. Но ты, любезной *Добросердѣ*, еще молодъ, сказала
Осторожна, ты еще невѣдаешь,
 что чѣмъ жарча любовь, тѣмъ она скорѣе
 простыvаетъ, когда нѣтъ тѣхъ соковъ,
 которыя ее питаютъ, и которыя у насть
 богатствомъ называются; любовь въ бѣд-
 ности есть сугубое мученіе для чувстви-
 тельныхъ сердецъ; ты теперь не дума-
 ешь о будущемъ, но взираешь только на

настоящее. Боже мой! вскричалъ *Добросердъ*, ябъда не только что отнимаетъ у людей спокойствіе, но и любви препятствуетъ! Никто не могъ склонить *Осторожну* на другія мысли, сколько о томъ ни трудились, на конецъ условились помолвить ихъ въ тотъ же день, а свадьбу отложили до рѣшенія дѣла. Любовники немогши получить лутчаго, и тѣмъ были довольны. *Добронравъ* первой напилъ кубокъ вина и выпилъ заихъ здоровье, а гости съ превеликою охотою ему послѣдовали. Пиршество окончалось и гости разъѣхались. *Добросердъ* ожидалъ рѣшенія дѣла съ нетерпѣливостію. Между тѣмъ *Добронравъ* съ своимъ сыномъ и друзьями, а *Добросердъ* съ отцомъ и *Миловидою* препровождали время очен

весело, и непримѣтно прошло около семи мѣсяцовъ: но въ то время спокойствіе ихъ нарушилось. *Добросердѣ* получилъ ордеръ явиться цемедлѣнно къ полку, и итить противъ неприятеля. Онъ началъ собираться, увѣдомилъ о томъ *Миловиду*, и узналъ, сколь тягостно разставаться съ любезнымъ отцомъ и съ любовницею. Сердце его боролося долго; на конецъ должность одержала побѣду надъ любовію, и онъ вознамѣрился съ ними разлучиться. Не любочестіе отъ отца и его любезной отвлекало, но подданическая должность: ибо естьли бы *Добросердѣ* по примѣру другихъ захотѣлъ остаться, то имѣвши друзьями знатныхъ бояръ, легко бы могъ сіе сдѣлать. Можетъ быть, чтобы онъ и поколебался, естьли бы *Мило-*

вида, дѣлая насилие сердцу своему, въ томъ ево не подкрѣпляла. Добродѣтельная дѣвица легче ста нравоучителей сердце своего любовника утвердить можетъ. Поѣзжай, говорила она ему, куда зоветъ тебя должность, заплати ревностнымъ онъя исполненіемъ Государю, за награжденіе тебя чиномъ; посвяти ему и отечеству себя во услуги; мы всѣмъ должны имъ жертвовать, подражай моему примѣру; я приношу ему жертву сто кратъ драгоцѣннѣе своей жизни; я отпускаю тебя... можетъ быть на смерть!.. Она не могла продолжать, слезы полилися изъ глазъ ея; любовь, наполнившая сердце *Добросердово*, въ ту минуту претворилась въ любочестіе; они по нѣсколькимъ разговорамъ простились. *Добронравъ*

бывши свидѣтелемъ сего разговора проливаль слезы. Онъ цѣловалъ обѣихъ ихъ, сдѣлалъ многіе наставленіи своему сыну, и на конецъ съ пролитіемъ слезъ разлучились. *Добросердѣ* поѣхалъ въ путь, наполня сердце свое храбростю и желаніемъ себя прославить, чтобы тѣмъ больше еще достойнымъ учиниться обладанія *Миловидою*; а она выпустя ево изъ глазъ, дала вольное теченіе слезамъ своимъ.

Продолженіе сего приключенія въ сльдующемъ мѣсяцѣ.

ВѢДОМОСТИ.

» *Изъ Константинополя.*

Никоторой народъ не былъ приведенъ до такой крайности, чтобы торжество-

валъ успѣхи неприятельскаго противъ себя оружія; но у насъ сie дѣлается. Орудіи, коими до сего времени Турки враговъ своихъ поражали и которыя возвѣщали наводимой ими на всю Европу ужасъ, нынѣ только насъ самихъ приводятъ въ трепетъ и возвѣщаютъ народное нещастіе. Не извѣстно, по какой ложной политикѣ, при всякой одержанной неприятелями надъ нами побѣдѣ, Диванъ дѣлаетъ торжество: но народъ обманамъ симъ не вѣритъ. Всякой выстрѣль изъ пушекъ Серальскихъ умножаетъ всенародное уныніе и напоминаетъ предстоящую намъ погибель; письменныя извѣстіи, получаемыя изъ арміи, отъ народа тщательно скрываются: но ему повседневно изъ арміи приходящія солдаты

сказываютъ истинну. Они возвѣщая храбрость неприятельскую и смертоносное дѣйствіе ихъ орудій, сдѣлали то, что въ Константинополѣ о побѣдѣ надъ Россіянами и думать не смѣютъ. Слово *Россійской солдатъ* наихрабрѣйшаго Турка приводитъ въ трепетъ, и въ армію никто больше итить не хочетъ. Янычары до сего времени для полученія золота во всякую опасность ввергавшіяся, нынѣ оное презираютъ. Ни Султанской гнѣвъ, ни деньги, ни проклятие Муфтіемъ налагаемое на тѣхъ, которыя не пойдутъ въ армію, не дѣлаетъ ихъ храбрыми. Повсюду говорятъ о паденіи Турецкой Монархіи; народъ во отчаяніи бродить по улицамъ и вопіеть: *Проснись Магомедъ, мы все погибаемъ!* но со всемъ не извѣстно, гдѣ

онъ теперь, и что о народѣ своемъ промышлястъ. Турки точно въ такое же бѣдственное Россінами приведены состояніе, въ какое Турками за нѣсколько сотъ лѣтъ приведены были Греки. Янычары Магомеда призываютъ на помощь, но сабель изъ ноженъ не вынимаютъ.

ОТТУДА ЖЪ.

Тайныя Серальскія извѣстія.

Старої Муфти, яко начинатель сей для насъ нещастливой войны, всячески старался уговаривать Янычаръ, чтобы онишли въ армію и побѣждали неприятеля; онъ разсыпалъ предъ ними Султанскую казну, грозилъ проклятіемъ, называлъ ихъ трусами, но ничто не помогло. Яны-

чары его не слушаются. Султанъ за сіе чрезвычайно на Муфтія огорчился, и недавно отправилъ ево для набору арміи изъ тѣхъ Янычаръ, которыя служили подъ предводительствомъ Магомеда Султана, приведшаго всю Европу въ трепетъ; можетъ быть онъ сіе окончаетъ удачнѣе, и хотя тѣмъ воспятить неприятельскія намъ пораженій.

На мѣсто старого выбранъ новой Муфти, которой меньше прежняго къ войнѣ имѣть склонности. Онъ собравши всѣхъ толкователей Алкорана, предложилъ имъ для рѣшенія самую претрудную задачу, а именно: отъ чего Рускія солдаты несравненно превосходятъ храбростю Турокъ? Толкователи пришли отъ сего вопроса въ не-

доумѣніе; они очень долго потѣли, прискивая приличное сему въ Алкоранѣ; на конецъ заключили, что храбрость сія и неустрашимость происходятъ отъ завиванія и пудренія волосовъ. Муфти предложилъ сіе Султану, и давалъ свое разрѣшеніе, чтобы всѣмъ Янычарамъ обрить бороды и завивать волосы. Султанъ приказалъ немедленно требовать у Министра, нѣкоторой доброжелательной намъ державы, чтобы онъ для Турецкой арміи выписалъ парикмахеровъ, пудры и помады: рѣшеніе сіе произвело въ Сераль ободреніе тѣмъ паче, что по сіе время ядры, пули и сабли намъ не помогали; но отъ народа сіе еще скрываютъ: ибо сколько Сераль на сей щастливой вымыселъ ни надѣется, то однакожъ страшится ввести сію пере-

мъну. Впрочемъ сіе почитаютъ вдохновеніемъ святаго пророка Магомеда; по чьему и великую на сіе полагаютъ надежду. Многія любимцы Султанскія начали уже тайныя дѣлать приуготовленіи къ торжеству по полученіи надъ Рускими побѣды.

Изъ нѣкотораго Европейскаго города.

Дружелюбіе нашего двора съ Отоманскою Портоко всему свѣту извѣстно; естьли бы были мы посильнѣе и побогатѣе, то давно бы знаки онаго свѣтъ увидѣль; но мы находимся въ такомъ состояніи, что и въ своихъ нуждахъ на наши руки надѣемся мало, а обороняемся всегда головами. Впрочемъ по требованію Порты набираются у насъ по всѣмъ мѣстамъ

парикмахеры и заготовляется безчисленное множество пудры и помады; что въ скоромъ времени къ блестательной Портѣ и отправится. Вспоможеніе сie не малой важности: ибо всѣ жители нашего города, не безпричинно опасаются, чтобы не ходить имъ съ незавитыми и не-пудренными волосами, до того времени, пока заведутся новые парикмахеры. Впрочемъ во чтобы сie ни стало, только дворъ непремѣнно вознамѣрился сie исполнить. Поговариваютъ, что министерство наше вознамѣрилось къ Портѣ отправить нѣсколько тысяч книгъ о парикмахерскомъ искусствѣ.

ИЗЪ МОСКВЫ.

Г. Д*** Актеръ придворного Россійскаго театра, приѣхавъ къ намъ столько

надѣлалъ шуму, что во всемъ городѣ только и разговоровъ что о немъ; и подлинно Московскія жители увидѣли въ немъ. славнаго Актера. Онъ игралъ въ Семирѣ *Оскольда* и всѣхъ зрителей плѣнилъ. Въ Евгении комедіи, Графа Кларандона: искусство, съ какимъ онъ сей роль представлялъ, принудило зрителей оную комедію просить еще три раза, въ чемъ они были удовольствованы, и въ каждое представлѣніе въ новое приходили восхищеніе; казалось будто искусство Г. Д*** по степенямъ еще больше возрасстало. Надобно отдать справедливую похвалу и Г. переводчику сей комедіи; ибо онъ всѣ красоты, находящіяся въ подлинникѣ, сохранилъ и на Россійскомъ языкѣ. Г. Д*** игралъ еще Вышеслава

и Ревниваго съ равномѣрною же отъ всѣхъ похвалою; а еще ожидаютъ представлениѧ Хорева и Беверлѣя. Зрители собиралися въ театръ въ такомъ множествѣ, что многія по причинѣ великой тѣсноты не могли получать билетовъ, естьли хотя мѣло опаздывали. На конецъ должно сіе заключить тѣмъ, что Г. Д*** Московскихъ жителей удивилъ, привелъ въ восхищеніе и заставилъ о себѣ говорить по малой мѣрѣ два мѣсяца.

НЪ ЧИТАТЕЛЮ.

Государь мой!

Мнѣ сказали, что вы превеликой охотникъ отгадывать загадки, да я и самъ это же примѣтилъ; вы ни одной изъ на-

нечатанныхъ въ ежемѣсячномъ сочиненіи, подъ заглавіемъ *Щепетильника*, древнихъ загадокъ не оставили, чтобы не трудиться оную отгадать. И такъ во удовольствіе ваше сообщаю я нѣсколько загадокъ, да только не древнихъ, а новыхъ. Древности вамъ не нравятся за тѣмъ, что вы любите новое, а сочинитель всячески обязанъ стараться читателю своему угодить, хотя это и невозможность. Вотъ мои загадки, извольте ихъ отгадывать, и пришлите ко мнѣ рѣшеніе, ежели за благо разсудится.

Загадки.

I.

Ласкатель безстыдно всѣхъ знатныхъ господъ въ глаза похваляеть, угоджаеть

ихъ слабостямъ, а за очи смеется тому, что они ему вѣрятъ, а иногда и бранить ихъ; какова за то ожидаетъ онъ награждения? Отгадай.

II.

Взятохвать судья, не имѣющей ни совѣсти, ни чести, вершитъ дѣла по своимъ прибыткамъ; указы толкуетъ какъ ему угодно, правосудіе продаетъ съ публичнаго торга, бѣдныхъ и безпомощныхъ людей обижаетъ, богатыхъ грабить, а знатнымъ угождаетъ; подчиненныхъ своихъ примѣромъ своимъ ко взятыкамъ поощряетъ: чево *Взятохвать* за

похвальные свои труды ожидаетъ? Читатель отгадай.

III.

Въртопрахъ волочится за всякою женщинуо, всякой открываетъ свою любовь, всякую увѣряетъ, что отъ любви къ ней сходитъ съ ума; а приятелямъ своимъ рассказываетъ о своихъ побѣдахъ: на гулянья указываетъ тѣхъ женщинъ, въ коихъ, по увѣренію ево, былъ онъ щастливъ, и которыхъ очень много; но въ самомъ дѣлѣ *Въртопрахъ* можетъ ли быть щастливъ? Читатель отгадай.

IV.

Розина, молодчикъ, имѣющей самой малинкой чинъ, посредственной доста-
токъ и крошешной умокъ, влюбляется во всѣхъ знатныхъ госпожъ, ходить для того на всѣ публичныя гуляни: про-
ходя мимо ихъ вздыхаетъ, жалуется на судьбу и на ихъ жестокость, что они не награждаютъ постоянной ево любви; но госпожи сего бѣдняка и въ глаза не знаютъ, хотя и издерживаетъ онъ три четверти своего дохода на завиваніе и пудреніе волосовъ, для того только, чтобы они ево примѣтили. Читатель отгадай, какова названія *Розина* нашъ ожидаетъ?

Естьли понравились тебѣ г. читатель
мои загадки, такъ о томъ меня увѣдомь; я
и впредь подобныя онымъ сообщать буду.

Покорный вашъ слуга

С. П.

ПУСТОМЕЛЯ,

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

СОЧИНЕНИЕ.

1770 ГОДА

МЪСЯЦЪ ИЮЛЬ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ЕГО ВЫСОКОРОДІЮ

Н К Т: К Н Ф В Ч:

ДЕМИДОВУ

отъ издателя приношеніе.

Милостивой государь!

Посвящая сей мѣсяцъ, моего труда,
имени вашего Высокородія, намѣреніе мое
весъма далеко отстоить отъ ласкательства
и прибытка, подлымъ только душамъ свой-
ственного; но основывается оно на искрену-
немъ почтеніи ко многимъ похвальными
вашимъ свойствамъ; ко свойствамъ со-
ставляющимъ истиннаго Христіанина и
честнаго человѣка, приносящаго пользу
обществу.

Нѣтъ сомнѣнія, что добросердечіе есть основаніемъ всѣмъ душевнымъ добродѣтелямъ, а вы одарены имъ въ наивысочайшемъ степени; отъ него-то производятъ похвальныя ваши дѣйствіи дѣлающія честь человѣку, а не отъ ложнаго мнѣнія, основаннаго на хитрости уловлять человѣческія сердца щедростю: какъ дѣлаютъ нѣкоторыя тщеславныя люди; и не отъ вашего богатства, по тому что есть люди богатствомъ васъ превышающія; но они душевными свойствами передъ вами толико бѣдны, колико богати стяженіемъ. На мѣсто добросердечія вашего, сердца ихъ наполнены завистью и алчбою къ неправедному прибытку и хищенію послѣдняго бѣдныхъ стяженія. Они столько дѣлаютъ

вреда обществу, колико дѣласте вы пользы; тѣ за малое у подобныхъ себѣ похищаютъ свободу, а вы великія роздаете суммы къ ихъ искуplenію. Не я это говорю, а повсемѣстно взываютъ искуплennyя вами отъ поноснаго ига неволи, нѣ сколько лѣтъ во оной содержащіяся, и которыя свободою своею и тою пользою, которую они обществу приносить будутъ своими трудами, одолжены вашему добросердечію. Воплютъ тѣ юноши, которыя по причинѣ ихъ бѣдности лишены были толико нужнаго человѣчеству и полезнаго обществу воспитанія, но по щастію содержатся и воспитываются вашимъ иждивенiemъ: говорятъ тѣ бѣдныя, которыя пользуются вашими благодѣяшіями; и на конецъ прославляютъ ваши

друзья, которымъ вы въ противность обычая нашего времени оказываете не словесныя и ложныя, но истинныя знаки дружества.

Вотъ, что дѣлаетъ честь вашему имени, славу роду и пользу обществу! Сie то самое было основаніемъ моего къ вамъ почтенія, а приношеніе сего маловажнаго моего труда, есть онаго жертва. Я еще скажу, что ни лесть, ни подлой прибытокъ въ семъ моемъ дѣйствіи ни малаго не имѣютъ участія; по тому что я вами со всѣмъ не извѣстенъ, и уповаю, что вы никогда не узнаете того, которой имѣя къ вамъ почтеніе, останется навсегда,

Милостивой государь!
вашимъ всепокорнымъ слугою,

С. П.

ПУСТОМЕЛЯ.

* * * * *

5.

ЗАВѢЩАНІЕ ЮндженА Китайскаго Хана (*) къ его сыну.

Державный небеснымъ благословені-
емъ *Xuanzi* (**)!

Всѣ, отъ древнихъ временъ до нынѣ
бывшія, благоразумныя и великія Госу-

(*) Отсюз китайскаго Хана Кань Луна.

(**) Царь Царей.

дари, имѣвшія самодержавную власть въ государственномъ правленіи, первою почитали должностію имѣть неограниченное почтеніе и повиновеніе къ высочайшему Небу, и подражать благимъ дѣламъ своихъ прародителей. Они при томъ вѣдали, что почитаніе сіе и подражаніе должны быть отъ такого сердца, у коего бы основаніемъ была истинна, и что сердцу, имѣющему основаніемъ истинну, надобно быть тверду и постоянну; для сего то по государской своей должностіи трудились они рано и поздно, и остерегали себя отъ всего непохвального на всякъ день.

Я скажу о себѣ: съ самаго того времени, какъ Государь, родитель мой, ми-

лосердой *Хуанди Шейзу* (*) для соблюде-
нія прародительского храма, и для управ-
ленія пространного и многочисленного
нашего государства, выбравъ изъ всѣхъ
своихъ сыновъ, удостоилъ меня великой
сей должности, и посадилъ на свой Ху-
андиской престолъ; заботился я о вручен-
номъ мнѣ народѣ день и ночь; сра-
шился, чтобы народъ мой не почелъ
меня ни лѣнивымъ, ни незнающимъ и
недостойнымъ Государемъ, и для того
учрежденіи свои и поступки разполагалъ
по дѣламъ его величества, повсеминут-
наго воспоминовенія достойнаго моего

(*) Знанітъ святѣйшаго правотца. Сіе названіе
оному Хану дано по смерти; у Китайцевъ есть
обыкновеніе Ханамъ по смерти ихъ давать особыл
названіи, разсуждалъ по дѣлали ихъ.

родителя; законы давалъ сходственныя съ его законами: ибо я былъ увѣренъ, что они были премудры. Прилѣжно старался, чтобы во всемъ государствѣ судь былъ справедливой, чтобы весь народъ былъ доволенъ и спокоенъ, а силы государственныя больше бы возрастили. Не было ни одного дѣла, которое бы я самъ не рассматривалъ прилѣжно; и не было часа, въ которомъ бы я помнилъ только себя, а народъ бы позабылъ. Неутомленныя труды какія должны сносить Государи, желающія подданныхъ своихъ учинить благополучными, меня не отягощали: я трудился по своему хотѣнію; следовательно не были мнѣ противны ни труды, ни частыя съ вельможами хлопоты, потому что всегда по-

давалъ имъ разныя наставлени¤. Я желалъ, чтобы Уксуны (*) и Глары жили постоянно и похвально; чтобы военные служили вѣрно своему отечеству, какъ повелѣваютъ законы и требуетъ должность; статскія соблюдали бы порядокъ государственного правленія, и судили бы дѣла по самой справедливости; пограничныя и помѣстныя начальники были бы осторожны, прозорливы и немздопріимны; а подданныя всѣ жили бы въ согласіи, спокойствїи и веселіи.

Въ 13 лѣтъ отъ неусыпныхъ моихъ трудовъ истощилъ я душевныя силы; но какіяжъ произрастаютъ отъ сего плоды?

(*) Ближній и дальний Прикцы крови.

Хотя не могу сказать, что о чёмъ я заботился, и чего желалъ, то все исполнилось; но могу достовѣрно обнадежить, что всѣ дѣла приходятъ въ желаемой порядокъ и точность. Сердца у людей показываются чисты, подданныя не только въ окрестности здѣсь живущія, но и отдаленные живутъ въ довольствіи и веселіи; хлѣбъ всякой родится изобильно, и часто проявляются благополучныя предзнаменованія. Не должно ли сердце мое возхищаться, видя, что всѣ мои труды высочайшее небо благословляетъ!

Учредивши порядокъ государственаго правленія, и возстановя миръ и тишину, началъ стараться о совершен-

ствѣ, чтобы возстановленное утвердить на вѣки; но въ самое сіе старанія моего время ослабли мои чувства, изтошились силы; я отхожу отъ свѣта, оставляю всѣхъ моихъ подданныхъ и купно мое величество. Не было меня до моего пришествія въ свѣтъ, не будетъ и послѣ отшествія отъ свѣта. Рожденіе и смерть суть одинакія выгоды. Прискорбно мнѣ только то, что не могъ я по желанію моему всего докончать; хотя порученной мнѣ отъ Государя, моего родителя, должности былъ неложнымъ исполнителемъ; и могу въ томъ удостовѣрить въ тотъ самой день, котораго многія трепещутъ.

Боубай () Цинь Ванъ, четвертый Агэ Хунъ ли, одаренъ отъ природы похвальными качествами, милосердъ ко вся кому и жалостливъ, учтивъ, почтителенъ и горячъ къ родителямъ и близнимъ. Родитель, мой Государь, любилъ его паче всѣхъ своихъ внучатъ, воспиталъ при себѣ въ собственномъ своемъ дворцѣ, и жаловалъ необычайно. Онъ несомнѣнно надѣялся, что Хунъ ли*

() Боубай значитъ драгоценнаго: поэтъ и имъ Принцу. Китайскія Ханы обыкновенно старшии Принцамъ даютъ имена поэтъ именами именами кои даны во младенчествѣ, рѣдко ихъ называютъ для того, что называть именемъ у всѣхъ Китайцевъ почитается за безглѣстье. Именами называются только знатныя командиры своихъ подкомандующихъ и господа слугъ и всѣхъ низкаго состоянія людей.*

Цинь Ванъ значитъ Принца первой степени.

Четвертый Агэ значитъ четвертаго по рождению Принца.

Хунъ ли имъ собственное.

будетъ истиннымъ наслѣдникомъ моего престола; о семъ да будетъ всѣмъ извѣстно, что я избралъ и утвердилъ его наслѣдникомъ по вступленіи моемъ на престоль въ осьмой мѣсяцъ, собственною моей рукою писаннымъ указомъ, кото-рой я тогда при васъ *Ваны* и *Амбаны* (*) написалъ, запечаталъ и положилъ для сохраненія въ *Кляйцайгунъ* (**) на высокомъ мѣстѣ, собравъ всѣхъ васъ нарочно ради сего. По удостоеніи наслѣдникомъ возвель я его на достоинство Цинь Ванское съ намѣреніемъ, чтобы онъ служа народу съ прочими прибылъ къ трудамъ, научился правленію государственныхъ дѣлъ, и о всемъ, что до него

(*) Принцы и велиможи.

(**) Въ священной залѣ.

принадлежить, получиль бы больше знанія.

Ваны и Амбаны! сего избраннаго мною наследника возведите по мнѣ на престолъ мой, памятуя, что нынѣ по милости и охраненію высочайшаго неба, по оставшимся отъ нашихъ прародителей благимъ законамъ и по моимъ трудамъ обитаетъ во всемъ нашемъ государствѣ миръ и тишина, и такое время, въ которое Государь и подданныя могутъ быть благополучны и наслаждаться веселіемъ и радостію.

О грозныхъ моихъ указахъ разумѣйтсѧ то, что выданы оныя на изкорененіе

мздоимцовъ, хищниковъ, грабителей,
льстецовъ и всякихъ въ обществѣ нетерпимыхъ людей, ради поправленія народныхъ обычаевъ и ради удержанія начальниковъ и властителей въ ихъ должности. Памятуйте что строгость законовъ употреблять надлежитъ только въ самыхъ крайностяхъ, такъ какъ я это и дѣлалъ. Я употреблялъ строгость законовъ по крайней необходимости, видя, что нравы людскія со всемъ испортились, что статскія судьи стали мздопріимны и лакомы, что ввели то въ обычай непостыдной, коего казалось имъ и во вѣкъ отмѣнить не надлежало. Сей развратъ строгость моихъ указовъ отвратила и оставила страхъ для будущихъ временъ, какъ видно.

Что касается до прежнихъ *Колиханчовъ*, *Джурганскихъ* и *Ямунскихъ* (*), то оныя сочинены были Джурганскими членами неправильно и неисправно. Увидя сю неисправность многія главы обще съ верховными вельможами я передѣлалъ; нѣкоторыя противъ прежняго сдѣлалъ полегче, а иныя построже: по прилѣжномъ въ томъ нашемъ трудѣ, утвердилъ я ихъ на вѣки, съ такимъ однакожъ разсужденіемъ, чтобы по тѣмъ главамъ, кои облегчены, исполнять непремѣнно, а по тѣмъ кои сдѣланы строже, поступать временно, для того что строгость употреблять должно только тогда, когда есть непорядки. Въ слѣдствіе чего можете вы поступать и по прежнимъ узаконеніямъ.

(*) *Регламентъ коллежскій и канцелярскій.*

Вельможи благоразумныя! вельможи добродѣтельныя! вы мои руки, коими восстановилъ я порядокъ въ государствѣ, вы рамена мои, на коихъ носилъ я тягость государственного правленія, памятуйте услуги мною государству оказанныя, помните ревностное мое къ отечеству усердіе, и не оставьте тщетными всѣ труды мои: будьте благимъ Государя моего родителя намѣреніямъ подражателями, храните вѣрность свою и праводушіе, и да не возгнѣздится межъ вами во вѣки злоба, ссора, лицемѣріе, мздоимство и потачка: о семъ всевысочайшее небо при концѣ моемъ умоляю. Помогайте моему наследнику, любезному моему сыну *Хунъ ли* искренними вашими совѣтами, вашимъ праводушіемъ и вашею добродѣтелію; учините

ево Государемъ мудрымъ и похвальнымъ симъ вы докажете, что я не ошибся въ человѣкѣ, коему престолъ вручилъ, и что не обманулся въ васъ, оказывая вамъ мое дружество, по тому что вы того будете достойны. Естьли надежда меня не обманываетъ, то непостыдно предстану я предъ души святыхъ моихъ дѣдовъ и Государя моего родителя, на небесахъ пребывающихъ.

Хунъ ли (*) къ тебѣ теперь я обращаюсь: ты мнѣ сынъ, тебя учинилъ я наследникомъ престола, тебѣ вѣрилъ я самодержавное правленіе всего государства, тебя избралъ я способнѣйшимъ изъ всѣхъ моихъ сыновъ утвердить блажен-

(*) Или наследниковъ.

ство межъ подданными и водворить тотъ мысленной златой вѣкъ, которой нашими стихотворцами описывается; даровать имъ покой и оградить миромъ и тишиною отъ сособственныхъ державъ. Тебя одарилъ я собранными предками твоими сокровищами, приобрѣтай ими друзей искреннихъ, тебя снабдилъ я основательными наставлениями: находясь въ толикомъ блаженствѣ, *Хунъ ли!* не забывай меньшаго твоего брата *Хунъ-джуя* (*); помни, что онъ съ тобою единой крови, люби его сердцемъ искреннимъ, будь съ нимъ и въ трудахъ и во увеселеніяхъ неразлучно; дружися съ людьми добродѣтельными, принимай отъ разумныхъ и доброжелательныхъ тебѣ совѣты, и живи во весь

(*) Или собственное меньшаго Принца.

свой вѣкъ добродѣтельно. Не отдавайся въ обманъ льстецамъ и лукавцамъ и не слушай развратныхъ предложеній. Уксуневъ (*) содержи въ особливой милости, береги добрыхъ и честныхъ людей, которые отечеству вѣрно служать; и наконецъ вѣдай, что отъ добродѣтельнаго государева житія въ государствѣ бываетъ миръ и согласіе, а посредствомъ тишины соблюдаются полученное отъ предковъ царствованіе, и соблюденное можетъ пребывать во вѣки нерушимо.

Тонъ (**) Цинь-Ванъ человѣкъ простосердечной, скромной и учтивой, а при томъ во всякомъ дѣлѣ осторожной; въ

(*) Принцовъ крови.

(**) Прѣдивой.

разсужденияхъ хотя нескоръ, однако ни въ чемъ не ошибается.

Кенз (*) *Цинь-Ванъ* человѣкъ справедливой, добродѣтельной и премудрой, для государства весьма надобенъ, но по причинѣ слабости ево здоровья частыя имѣеть припадки; и по тому тяжкихъ трудовъ сносить не можетъ. *Ваны и Амбаны!* любите ево и почитайте; не допускайте ево до обыкновенныхъ приказныхъ дѣлъ, вы очень сожалѣть станете, естьли онъ потрудясь черезъ силу придется въ несостояніе для отправленія важныхъ государственныхъ дѣлъ.

Алаха Битхей-да, Джанъ-Тинъ-би (**)

(*) Благородивой.

(**) Верховной Министръ изъ природныхъ Китайцевъ.

человѣкъ просвѣщенной, добродѣтельной и безпорочной. Онъ служитъ сердцемъ истиннымъ, много труdiлся при милосердомъ государѣ Шендэуъ въ сочиненіи законовъ, а при мнѣ на сихъ годахъ писалъ именныя мои нравоучительныя указы, и могъ во оныхъ подданнымъ моимъ изъяснять мои мысли; словомъ сказать, ево услугъ очень много.

Алаха-Битхей-да, Ортай (*) непоколебимъ въ вѣрности къ государю и отечеству, достойной государственныхъ дѣлъ управитель. Онъ разобралъ помѣстныхъ начальниковъ (**), далъ спокой-

(*) Верховной Министръ изъ природныхъ Манжуріи.

(**) Губернаторы и Восводы.

ную жизнь поселянамъ, возстановиъ
миръ и тишину на границахъ: смыло ска-
зать можно, что мало такихъ великихъ
людей въ свѣтѣ, каковъ есть онъ:

Я ручаюсь, что сіи послѣднія два чело-
вѣка во всю ихъ жизнь не перемѣнятся,
и для того повелѣваю сихъ моихъ вель-
можъ удостоить по смерти мѣстомъ въ
храмѣ *Тайміоу* (*), подлѣ моего мѣста
дабы для оказанной мною къ нимъ ми-
лости, и по *Доролоину* (**) воздаваемо
имъ было почтеніе, и имена ихъ славны
были во всѣхъ вѣкахъ.

(*) Храмъ умершимъ Царямъ и вельможамъ при нихъ
удостоенными. Послѣ погребенія во ономъ храмѣ постав-
ляются портреты умершихъ и возлѣ ихъ лаковые до-
щечки, на коихъ подписываются золотыми литерами
имена умершихъ.

(**) Обряды при погребеніи.

Погребеніс мое отправте такъ, какъ
повелѣваютъ наши законы; *Синахъ* (*)
сложите по двадцати семи дняхъ, и дайте
о смерти моей знать всему народу.

Государствованія *Хуалясунь-Топъ* (**),
13 года, осмой луны, (***) 23 числа.

6.

Самое негодное дѣло быть Авторомъ
сжемѣсячныхъ или еженедѣльныхъ сочи-
неній: я не говорю о тѣхъ почтенныхъ
Авторахъ, которые за свои сочиненіи
заслужили вѣчную похвалу; но о сихъ
марателяхъ, которые, слѣдя пословицѣ,
неучась грамотѣ становятся попами. Еже-
ли посмотрѣть на молодыхъ нынѣшнихъ

(*) *Traуръ.*

(**) *Хана миролюбиваго и справедливаго.*

(***) *Въ 1735 году.*

писцовъ, то подумать можно, что труднѣе быть посредственнымъ сапожникомъ, нежели Авторомъ: всѣ обучаются тому ремеслу, въ которомъ хотятъ упражняться, но безграмотныя писцы учиться и знать правила почитаютъ за стыдъ. Сими то примѣрами по нещастію завлѣченъ я въ неизходимой Авторства ровъ. Съ начала моего изданія думалъ и я такъ, какъ многія господа сочинители, что ничево легче нѣтъ какъ сочинять, но въ продолженіе узналъ, что ничево труднѣе нѣтъ, какъ писать съ разсужденіемъ. Не успѣлъ я отпечатать пѣрваго мѣсяца моего сочиненія, какъ уже самъ сталъ находить въ немъ погрѣшности; сталъ бояться, что онъ читателямъ не понравится, что станутъ меня за то критиковать; но

что жъ изъ сего вышло? разсужденіе изволило замолчать, а самолюбіе торжествовало, и въ знакъ своей побѣды вместо трофея выдало въ свѣтъ первої мѣсяцъ Пустомели. Онъ показался, и заслужилъ отъ нѣкоторыхъ благовolenіе; я самъ слышалъ похвалы моему сочиненію отъ людей знающихъ, не будучи имъ извѣстенъ: они говорили, етотъ человѣкъ подаетъ надежду быть хорошимъ писцомъ; слогъ ево чистъ и плавенъ, продолжали они; но надобно ему побольше упражняться. Слыши сіе самолюбіе шептало мнѣ въ уши: ты еще и большей достоинъ похвалы, но разсужденіе кричало: неправда; однакожъ я етаго не слыхалъ. Не столько радуется мать, когда слышитъ похвалу своему любезному и избалованному сыну; не

столько возхищается любовникъ, когда по трехъ годахъ безплоднаго своего старанія и страданія противу чаянія отъ любовницы своей услышитъ: и я тебя люблю; не столько веселится и щеголиха, когда удастся ей здѣлать платье по вкусу и удачно одѣтся, и когда ей всѣ мушки кричали: мила какъ ангелъ! а она приѣхавши домой, станетъ передъ зеркаломъ и переговариваетъ тѣже самыя слова: мила какъ ангелъ! Короче сказать, радости моей ни сравнить ни съ чемъ, ни изъяснить не возможно. Г. читатель, ежели ты Авторъ, и ежели тебя когданибудь хвалили, такъ спроси ты у себя, сколь велика была моя радость. Въ другомъ мѣстѣ услышалъ: надобно etому Автору, говорили мои судьи, надобно ему побольше просвѣщенія, въпрочемъ

чишеть онъ не худо. Третыи хвалили предисловіе, но не довольны были сказкою. Иные хвалили сказку, но не довольны были предисловіемъ. Еще были люди, которым говорили, на что ему мѣшаться въ политическія дѣла, мало ли въ городѣ новостей, которыми бы онъ читателямъ своимъ гораздо больше сдѣлалъ угощенія, нежели какъ вѣдомостями о политическихъ дѣлахъ. Иные по извѣстному своему добросердечію ругали мои загадки, говоря, что это не загадки, но наглой вздоръ. Такія разныя разсужденія и толки привели меня въ замѣшательство, и дали разсужденію на нѣсколько минутъ торжествовать надъ самолюбіемъ. Надобно угодить всемъ читателямъ, размышлялъ я; но что такое

имъ сообщать? и достанетъ ли къ тому
силъ моихъ?—Нѣтъ, нѣтъ, это невоз-
можность. Сто разъ принимался я писать,
и опять вычернивалъ; что понравилось
бы по моему мнѣнію однимъ, то заклю-
чалъ я тотчасъ не понравится другимъ
читателямъ. Горестное состояніе! глупое
упражненіе! безполезной и ненавистной
трудъ быть Авторомъ безъ достоинствъ,
или не имѣть довольно безстыдства все
написанное предлагать, одобрять и пре-
возносить еще больше славныхъ сочи-
неній! Тутъ-то я узналъ, что не всякой
можетъ быть хорошимъ писателемъ, кто
только писать имѣеть охоту; такъ какъ
не всякой тотъ хорошей имѣеть въ на-
питкахъ вкусъ, кто только пить хочетъ:
пьяница и простое вино хвалить лутче

Шампанского, а самолюбивой Авторъ и прескверное свое сочиненіе ставитъ лутче чужаго совереннаго. Несносное неимѣюще средняго пути состояніе! надобно быть или хорошимъ писателемъ и быть изъ зависти поминутно критиковану, или сквернымъ и быть посмѣшищемъ всего города; слыть ругателемъ, или дуракомъ. Вотъ два награжденія, которыя Авторы получаютъ за свои труды. Я бѣился, рвалъ бумагу, ломалъ перья--: но они ли виноваты? проклиналь ту не щастную минуту, въ которую въ первої разъ написалъ: Пустомеля. Словомъ сказать, есть ли когда нибудь тебѣ читатель случался быть въ бесѣдѣ съ Пустомелею, которой безпрестанно болтаетъ, а самъ никово не слушаетъ; или съ престарѣлою кокет-

кою, которая разсказываниемъ старинныхъ своихъ любовныхъ дѣлъ себя утѣшная наводить скуку другимъ и слушателей отягощаетъ; или съ трусомъ, которой на военной своей лирѣ напѣваетъ всѣ свои походы, осады городовъ, сраженія, превозноситъ свою храбрость до небесъ, описываетъ робость другихъ и удивляется нынѣшнимъ обрядамъ, или со школьнымъ педантомъ, которой иначе не умѣеть говорить какъ силлогисмами и безъ Еро ни единаго не выговорить слова; или съ вѣтренымъ молодчикомъ, которой опричь изъ романовъ о любви вытверженного ничего говорить не можетъ; или съ судью, приказнымъ крючкомъ, которой и съ дѣвицами ничево инова не говоритъ какъ о указахъ, приказныхъ крючкахъ и пыт-

кахъ; или наконецъ со стихотворцемъ, которой равняетъ себя со славными Россійскими писателями, и говоритъ только о чищеніи Россійского языка, похвалу себѣ и хулу другимъ; и которое чищеніе разумныя люди называютъ порчею Россійского, безъ порчи прекраснаго нарѣчія; и такъ, есть ли г. читатель съ сими людьми когда нибудь бывалъ, такъ ты знаешь, каковы они несносны, таковъ то несносенъ былъ я самъ себѣ, или еще столько, сколько несносны Таліи Л*** комедіи. Вотъ въ какомъ былъ я тогда состояніи; новъ самое сіе время вошелъ ко мнѣ незнакомой человѣкъ. Во время моего съ нимъ разговора беспокойствіе мое уменьшалось, а по выходѣ ево и со всѣмъ успокоился. Я сталъ на Авторство смот-

рѣть другими глазами, послѣ того взялъ перо, написалъ, предаю тисненію и оставляю горестныя Авторскія минуты позднѣйшимъ моимъ потомкамъ: пусть будутъ они со временемъ трудиться узнать, подлинно ли былъ я въ такомъ жестокомъ состояніи, или только выдумалъ; чисто-сердечноли я самъ про себя это написалъ, или цѣлилъ на извѣстное мнѣ какоенибудь лицо; пусть будутъ дѣлать заключенія какія имъ угодны; а я между тѣмъ опишу разговоръ мой съ незнакомымъ человѣкомъ и читателю моему сообщу, только не теперь, а со временемъ.

7..

ПОСЛАНИЕ**КЪ**

СЛУГАМЪ МОИМЪ
ШУМИЛОВУ, ВАНЬНЪ
И
ПЕТРУШНЪ.

Скажи Шумиловъ мнѣ, на что сей созданъ свѣтъ,
 И какъ мнѣ въ ономъ жить, подай ты мнѣ совѣтъ?
 Любезной дядька мой, наставникъ и учитель!
 И денегъ, и бѣлья, и дѣлъ моихъ рачителъ!
 Боишся Бога ты, боишся сатаны,
 Скажи, прошу тебя, на что мы созданы?
 На что сотворены, медвѣдь, сова, лягушка?
 На что сотворены и Ванька и Петрушка?
 На что ты созданъ самъ, скажи Шумиловъ мнѣ,
 На то ли, чтобъ свой вѣкъ провель ты въ крѣ-
 комъ снѣ?
 О таинство отъ насъ сокрытое судьбою!

Трясешь Шумиловъ ты сѣдой своей главою.
 «Не знаю, говориши, не знаю я того,
 «Мы созданы на свѣтъ и кѣмъ, и для чего.
 «Я знаю то, что намъ быть должно вѣкъ слугами,
 «И вѣкъ работать намъ руками и ногами,
 «Что долженъ я смотрѣть за всей твоей казной,
 «И помню только то, что власть твоя со мной.
 «Я знаю, что я мужъ твоей любезной нянѣки,
 «На что сей созданъ свѣтъ изволь спросить у Ваньки.

Къ тебѣ я обращу теперь мои слова,
 Широкія плеча! большая голова
 Малѣйшаго ума пространная столица!
 Во области твоей кони и колесница (*),
 И стало наконецъ угодно небесамъ,
 Чтобъ слушался тебя извощикъ мой и самъ.
 На свѣтску суetu вседневно ты взираешь,
 И стоя назади П.*** обтекаешь,
 Готовъся на вопросъ, премудрой дать отвѣтъ.
 Вешай, великий мужъ, на что сей созданъ свѣтъ?
 Какъ тучи ясной день внезапно помрачаютъ,
 Такъ Ванькинъ ясной взоръ слова мои смущаютъ.
 Сомнѣніе его тревожить начелб,

(*) Ванька поручено было смотрѣніе надъ коретою
 и хошадьми.

Наморщилась его и харя и чело.
 Въщаетъ съ гнѣвомъ мнѣ: «на всѣ твои затѣи,
 «Не могутъ отвѣтить и сами грамотѣи,
 «И мнѣ ль о томъ судить, когда мои глаза
 «Не могутъ различить отъ ижицы аза?
 «Съ утра до вечера держася на каретѣ,
 «Мнѣ тряско разсуждать о Богѣ и о свѣтѣ.
 «Неловко помышлять о томъ и во дворцѣ,
 «Гдѣ часто я стою смиренно на крыльцѣ,
 «Откуда каждой часъ друзей моихъ гоняютъ,
 «И палочьемъ гостей къ каретамъ провожаютъ:
 «Но естьли на вопросъ мнѣ должно дать отвѣтъ,
 «Такъ слушайте жъ каковъ мнѣ кажется сей свѣтъ.
 «М** и П*** довольно мнѣ знакомы!
 «Я знаю въ нихъ почти всѣ улицы и домы.
 «Шатаясь по свѣту и вдолъ и поперегъ,
 «Что могъ увидѣть я, того не простишъ.
 «Видаль и трусовъ я, видаль я и нахаловъ,
 «Видаль простыхъ господъ, видаль и Генераловъ;
 «А чтобъ не завести напрасной съ вами споръ,
 «Такъ знайте, что весь свѣтъ считаю я за вздоръ.
 «Довольно на вѣку я свой животъ помучилъ,
 «И ъздить назади я истинно наскучилъ.
 «Извощикъ, лошади, карета, хомуты,

«И все, мнѣ кажется, на свѣтѣ суеты.
 «Здѣсь вижу мотовство; а тамъ я вижу скупость,
 «Куда ни обернусь, вездѣ я вижу глупость.
 «Да сверхъ того еще примѣтилъ я, что свѣтъ
 «Столь много времяни не правдою живетъ,
 «Что нѣтъ уже такихъ кащѣевъ на примѣтѣ,
 «Которы бѣ истинну запомнили на свѣтѣ.
 «Попы стараются обманывать народъ,
 «Слуги дворецкаго, дворецкіе господъ,
 «Другъ друга господа; а знатные баяря,
 «Не рѣдко обмануть хотятъ и Государя,
 «И всякой, чтобъ набить потуже свой карманъ,
 «За благо разсудилъ приняться за обманъ.
 «До денегъ лакомы посадскіе, дворянне,
 «Судьи, подьячіе, солдаты и крестьяне.
 «Смиренны пастыри душъ нашихъ и сердецъ,
 «Изволятъ собирать оброкъ съ своихъ овецъ.
 «Овечки женятся, плодятся, умираютъ,
 «А пастыри притомъ карманы набиваютъ.
 «За деньги чистыя прощаютъ всякой грѣхъ,
 «За деньги множество въ раю сулять утѣхъ.
 «Но естьли говорить на свѣтѣ правду можно,
 «Такъ мнѣніе мое скажу я вамъ не должно:
 «За деньги самаго всевышняго Творца,
 «Готовы обмануть и паstryръ и овца.

«Что дуренъ здѣшней свѣтъ, то всякой понимаетъ,
 «Да для чего онъ есть, того никто не знаетъ;
 «Довольно я мололъ, пора и помолчать.
 «Петрушка, можетъ быть, вамъ станетъ отвѣтить.

«Я мысль мою скажу, вѣщаешь мнѣ Петрушка:
 «Весь свѣтъ, мнѣ кажется, ребятская игрушка.
 «Лишъ только надобно потверже то узнать,
 «Какъ лучше живучи игрушкой той играть.
 «Что нужды, хоть потомъ и возмутъ душу черти,
 «Лишъ только бѣдъ удалось получше жить до смерти?
 «На что молиться намъ, чтобъ далъ Богъ видѣть рай?
 «Жить весело и здѣсь, лишъ ближними играй.
 «Играй, хоть отъ игры и плакать ближней будетъ.
 «Щечи его казну, твоя казна прибудетъ;
 «А чтобъ приятнѣе еще казался свѣтъ,
 «Бери, лови, хватай все что ни попадетъ.
 «Всякъ долженъ своему послѣдовать разсудку:
 «Что ставиши въ дѣло ты, другой то ставить въ шутку.
 «Не частоль отъ того родится всемъ бѣда,
 «Чемъ тѣшиться хотятъ большиe господа,
 «Которы нашими играютъ господами
 «Такъ точно, какъ они играть изволять нами.
 «Создатель твари всей, себѣ на похвалу,
 «По свѣту насы пустилъ, какъ куколь по столу,

«Иные рѣзвятся, хахочутъ, пляшутъ, скачутъ,
 «Другія морщатся, грустятъ, тоскуютъ, плачутъ.
 «Вотъ какъ вѣртится свѣтъ; а для чего онъ такъ?
 «Не вѣдаетъ того ни умной, ни дуракъ:
 «Однако ежели какими чудесами,
 «Изволили спознать вы ту причину сами,
 «Скажите намъ ее?.. Симъ рѣчь окончилъ онъ,
 За рѣчию его послѣдовалъ поклонъ.
 Шумиловъ съ Ванькою хвалия догадку ону,
 Отвѣсили за нимъ мнѣ также по поклону,
 И трое всѣ они возвыся громкой гласть,
 Вѣщали: «не скрывай ты таинства отъ насъ,
 «Яви ты намъ свою въ рѣшеніяхъ удачу.
 «Рѣши ты намъ свою премудрую задачу!

А вы внимлите мой, друзья мои, отвѣтъ,
 И самъ не знаю я, на что сей созданъ свѣтъ.

8.

Кажется, что нѣть нужды читателя
 моего увѣдомлять о имени Автора сего
 посланія; перо, писавшее сіе, Россійскому
 ученому свѣту и всѣмъ любящимъ сло-

весныя науки довольно извѣстно. Многія письменныя сего Автора сочиненіи носятся по многимъ рукамъ, читаются съ превеликимъ удовольствіемъ и похваляются, сколько за ясность и чистоту слога, столько за остроту и живость мыслей, легкость и приятность изображенія; словомъ, естьли обстоятельства Автору сему позволять упражняться во словесныхъ наукахъ, то не безосновательно и справедливо многія ожидаютъ увидѣть въ немъ Россійскаго *Боало*. Его комедія*** столько по справедливости разумными и знающими людьми была похваляема, что лутчаго и *Моліеръ* во Франціи своимъ комедіямъ не видалъ принятія и не желалъ; но я умолчу, дабы завистниковъ не возбудить отъ сна,

послѣднимъ благоразуміемъ, на нихъ наложеннаго.

9.

ВѢДОМОСТИ.*Изъ Константина.*

Почти никакова не видимъ мы средства къ нашему избавленію, ужъ и парикмахеры намъ не помогаютъ! Недавно предложенной Муфтіемъ способъ никакова не имѣлъ успѣха. Янычары услышавъ о введеніи въ обычай завиванія волосовъ, пришли въ бѣшенство, и дошло бы до преужаснаго кровопролитія, еถьли бы заблаговременно не взяты были надлежащія къ тому мѣры. Повседневно приходящія къ намъ извѣстіи о успѣхахъ

непріятельского противъ насъ оружія умножаютъ народное смятеніе. До какова нещастія Порта дошла! Ужъ и Греки подъ предводительствомъ Россіянъ насъ побѣждаютъ. Окрестности Дуная горятъ, Моря пылаетъ, Дарданеллы трясутся и Стамбуль трепещетъ. Повсюду въ Турецкихъ областяхъ Россійской летаетъ орелъ, неся съ собою ужасъ и смерть. Муфтій видя безполезность своего намѣренія, всѣхъ присланныхъ къ намъ отъ доброжелательной намъ державы парикмахеровъ приказалъ употребить къ строенію флота; неизвѣстно, какой и отъ сего успѣхъ будетъ: ибо весьма сомнительно, чтобы народъ приобыкшей къ чесанію, завиванію и пудренію волосъ и къ новымъ модамъ, въ состояніи былъ здѣ-

лать преграду непобѣдимому Россійскому флоту.

Отъ туда же въ іюль мѣсяцъ.

Послѣднія два страшныя нашимъ войскамъ отъ Россіянъ пораженія лишаютъ насъ друзей, воиновъ, военныхъ снарядовъ и приличной до сего времени блестательной Портѣ гордости. Янычары, приведенные въ ужасъ, въ армію противъ Россіянъ итить не дерзаютъ. Нѣкто на сихъ дняхъ подалъ Султану выдумку о наборѣ войскъ въ сераляхъ, которая, какъ сказываютъ, и утверждена; и такъ въ скромъ времени будутъ набирать сіи войски, и свѣтъ увидитъ цѣлую армію состоящую изъ женщинъ: неизвѣстно, кто бу-

деть предводительствовать побѣдоносными сими войсками; и въ народѣ о томъ еще разныя носятся слухи.

Въ Санктпетербургъ.

Недавно здѣсь на придворномъ Императорскомъ театрѣ представлена была *Синавъ и Труворъ* трагедія г. Сумарокова. Трагедія сія играна была по переправленному вновь г. Авторомъ подлиннику. Нѣтъ нужды выхвалять сего почтеннаго Автора сочиненій; они такъ хороши, что кто только ихъ читалъ и кто имѣстъ разумъ, тѣ всѣ ему отдавая справедливую похвалу удивляются; которыя же не похвалятъ, тѣмъ надобно просить о отпущеніи своего согрѣшенія. Что жъ

касается до Актеровъ, представлявшихъ сю Трагедію, то надлежитъ отдать справедливость, что г. *Дмитревскій* и г. *Троепольская* привели зрителей во удивленіе. Нынѣ ужъ въ Петербургѣ неудивительны ни *Гарики*, ни *Лекены*, ни *Госсенши*. Приѣзжающія вновь Французскія Актеры и Актрисы то подтверждаютъ. Совсемъ тѣмъ не льзя пропустить, чтобы не замѣтить слабость и пристрастіе къ Французамъ одново господина, которой во время представлениія сей Трагедіи, когда г. Д. и г. Т. зрителей искусствомъ своимъ возхищали. Онъ воздыхаючи сказалъ: *жаль что они не Французы; ихъ бы можно почесть совершенными и рѣдкими въ своемъ искусстве.* Черезъ нѣсколько дней, когда представлена была

Француская піеса, то сей господинъ не могъ воздержать ни чрезмѣрной радости и возхищенія, ни также чрезмѣрнаго и смѣшнаго своего пристрастія, дѣлая похвалу Францускимъ Актерамъ; и хотя комедія играна была смѣшная, однакожъ онъ собою гораздо больше дѣлалъ смѣха.

10.

ЕПИГРАММА

Г. НОНДРАТОВИЧА

КЪ

Г. издателю Трутня.

Что ты Трутень напечаталъ? будто Воевода
 Совѣсть продаетъ, что лѣгша есть въ пути выгода?
 Здѣсь онъ! и ужъ не поѣдетъ, съ воеводства бывъ
 смѣненъ;

111

Ибо бывшій подъ командой каждый онъмъ огорченъ;
Есть указъ о Воеводахъ; не смынть; естьли миръ
проситъ;

Миромъ же сей былъ не прощенъ; и смыненъ;
здѣсь вѣсти носить

За добро вѣть не смыняютъ; начудесилъ знатно онъ;
Будетъ вѣкъ безъ воеводства, хоть всѣмъ отдаетъ
поклонъ.

О П Е Ч А Т К И.

Напечатано: Читай:
стр. 45 строки 11 сверху заихъ за ихъ
— 71 — 8 — срашился страшился
— 87 — 4 — онъ: онъ.

20

7

7

3 2044 022 554 679

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine of five cents a day is incurred
by retaining it beyond the specified
time.

Please return promptly.

